

4. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
5. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – М. : Наука, 2003. – 320 с.
6. Холопова В. Н. Музыка как вид искусства / В. Н. Холопова. – СПб. : Лань, 2002. – 320 с.
7. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб. : Симпозиум, 2004. – 544 с.
8. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / У. Эко. – СПб. : Симпозиум, 2006. – 574 с.
9. Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода / Р. О. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 16–24.

References

1. Brazgovskaya E. E. *Semiotika. Yazyki i kody kul'tury: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata*. M.: Yurajt, 2019. 187 p.
2. Ganzburg G. I. O librettologii. *Sovetskaya muzyka*, 1990, № 2, pp. 78–79.
3. Bally Ch., Séchehaye A. (ed.) *Kurs obshchej lingvistiki*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1999. 432 p.
4. Lotman Yu. M. *Semiosfera*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000. 704 p.
5. Nelyubin L. L. *Tolkovoj perevodovedcheskij slovar'*. M.: Nauka, 2003. 320 p.
6. Holopova V. N. *Muzyka kak vid iskusstva*. St. Petersburg: Lan', 2002. 320 p.
7. Eco U. *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu*. St. Petersburg: Simpozium, 2004. 544 p.
8. Eco U. *Skazat' pochti to zhe samoe. Opyty o perevode*. St. Petersburg: Simpozium, 2006. 574 p.
9. Jakobson R. O. O lingvisticheskikh aspektah perevoda. *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike*. M., 1978, pp. 16–24.

НОВОЕ «ЧУЖОЕ» В РУССКОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Лаптева Мария Леонидовна, доктор филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, hohlina2004@yandex.ru

В статье рассмотрены фразеологические инновации, отражающие взгляд современных носителей русского языка на «чужое» культурное пространство. В качестве объекта анализа выбраны не только иноязычные фразеологизмы, употребляющиеся в транслитерированном виде, но и единицы, которые вошли в русский язык относительно недавно в результате межкультурного взаимодействия стран и народов. Освещение получило функционирование данных фразеологизмов в публицистическом дискурсе, в частности, на страницах электронных средств массовой информации.

Ключевые слова: фразеологизм, неологизм, заимствование, «своё / чужое», инокультурное пространство

NEW «ALIEN» IN THE RUSSIAN PHRASEOLOGICAL SPACE

Lapteva Mariya L., Doctor of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., hohlina2004@yandex.ru

The article deals with phraseological innovations which reflect modern native speaker's views on the «alien» culture space. As test object were chosen not only transliteration foreign phraseological units but also units which came into the Russian language more recently as a result of the interplay of the intercultural countries and peoples exchange. The functioning these phraseological units got covered in the publicist discourse put that in context, in mass media pages.

Keywords: phraseological unit, neologism, linguistic borrowing, «own» – «alien», foreign-culture space

Как нам видится, основные усилия современных фразеологов направлены на то, чтобы решить «тёмные» фразеологические загадки, то есть дать относительно доказуемые интерпретации фразеологизмам, спорным с диахронической точки

зрения; проследить особенности функционирования фразеологизмов в текстах различной стилистики; установить долю общенационального и национально специфического во фразеологическом фонде того или иного языка; рассмотреть фразеологизмы в аспекте межъязыкового сопоставления, перевода и некоторые др. Каждая из этих задач успешно решается как российскими, так и зарубежными фразеологами, придерживающимися различных подходов, что естественно в сложившихся условиях полипарадигмальности исследования фразеологии XXI века.

Взгляд на фразеологическую систему языка как на открытую и динамичную определяет также обращение к вопросам постановки фразеологизмов на учет по признаку вхождения в активный или пассивный состав языка, иными словами, регистрации отдельных из них как устаревших или, напротив, новых.

В качестве объекта рассмотрения в рамках данной статьи взяты фразеологизмы, которые могут быть квалифицированы как фразеологические неологизмы, причем источником происхождения данных единиц выступает инокультурное пространство. В данном случае мы имеем в виду не только заимствования из других языков, но и единицы, которые появились в русском языке в результате восприятия и отражения инокультурных реалий – артефактов и ментефактов.

В русском языке немало устойчивых сочетаний слов, смысловая реализация которых связана с актуализацией в языковом сознании стереотипных представлений о других странах и народах: *кукла американская, еврейский звонок, немецкая аккуратность, французский шик, итальянская забастовка* и другие. Попытка отдельного фразеографирования подобных устойчивых оборотов нами уже была предпринята в недавно увидевшем свет познавательном словаре-справочнике «Чужое» в «своем» фразеологическом пространстве» [2]. Объем словника невелик – всего 281 единица. В фокус когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического описания попали как широко известные (*галопом по Европам, гнилой Запад, галльский петух* и др.), так и впервые получившие лексикографическую закреплённость единицы (*восточный базар, греческий профиль, восточный мужчина* и др.).

Однако интерес к познанию «чужого» не может иссякнуть: «лишь глядя в «зеркало» «чужого сознания», можно попытаться увидеть и понять себя, соотносительно «чужому» или «другому» [3, с. 5]. Действительно, в русском языке последних десятилетий появляются новые, ранее не отмеченные в словарях устойчивые обороты, обнаруживающие дискурсивную связь с культурным пространством «чужого».

Вспомним устойчивое выражение **голливудская улыбка**, формально-семантическая структура которого отсылает нас к образу Голливуда – «колыбели» американской кинематографии. Прежде всего, компонент *голливудский* вызывает ассоциации с голливудскими актёрами, чьи улыбки отличаются белизной ровных рядов зубов. Такая улыбка становится, с одной стороны, эталоном красоты и внешней привлекательности, вежливости обращения, а с другой стороны, искусственности и несоответствия внутреннему содержанию и настроению человека. Сравним: 1) *Инстинкт подсказывал мне, что я обязана улыбаться, задавать встречные вопросы и вообще поддерживать разговор. Когда я наконец заперла за собой дверь в номере и вернула себе нормальное выражение лица, расставшись с вымученной голливудской улыбкой, сразу же позвонил телефон* (Срочное погружение // «Домовой», 04.03. 2002 г. – НКРЯ); 2) *Сама эта мысль показалась Вале смешной и нелепой. Она вспомнила благогородного офисного работника с зализанной шевелюрой и безупречно начищенными ботинками, с дурацкой голливудской улыбкой и никому не нужной вежливостью – и засмеялась* (Татьяна Тронина. Русалка для интимных встреч (2004) – НКРЯ). Несложно заметить, что в обоих представленных контекстах выражение **голливудская улыбка** вступает в синтагматические связи с лексемами с отрицательной коннотацией: **вымученная голливудская улыбка, дурацкая голливудская улыбка**.

В Национальном корпусе русского языка нами обнаружено всего 15 вхождений, содержащих рассматриваемое выражение. При этом в 7 случаях оно функционирует в контекстах «стоматологической» тематики (*идеальная голливудская улыбка, белоснежная голливудская улыбка, стоматолог сделал ей голливудскую улыбку* и т.п.), а в остальных случаях – как репрезентант атрибута вежливости.

Таким образом, выражение используется (1) для физической характеристики человека, отражения восприятия его внешнего вида как эстетичного, (2) для обозначения особенностей коммуникативного поведения, которое, кстати, в данном случае не будет соответствовать русским этикетным нормам. Русские улыбаются с удовольствием, но только тогда, когда испытывают искренние чувства, положительные эмоции, рады встрече, общению и т.п. *Голливудская улыбка*, напротив, является данью

моде, погоней за западными стандартами красоты и подражанием «чужой» манере общения.

Актуальным каналом проникновения «чужого» в русское культурное пространство являются, без сомнения, средства массовой информации. Многие из новых фразеологических оборотов появляются впервые именно в публицистическом дискурсе, на страницах периодических изданий, где темы межкультурного взаимодействия обсуждаются довольно часто. Так, начиная с 2010 года в СМИ стало активно употребляться сочетание **грузинский мост**. Именно в этом году в Тбилиси итальянским архитектором Микеле де Луччи был построен новый мост, перекинувшийся через реку Куру и занявший позицию между Метехским мостом и мостом Бараташвили. Идея создания такого сооружения возникла после югоосетинского (грузино-осетинского) конфликта августа 2008 года. Торжественное открытие моста состоялось 6 мая 2010 года и повлекло за собой бурную общественную реакцию, в частности, многочисленные обсуждения в СМИ. Само выражение **грузинский мост** включает несколько важных представлений, сформировавшихся в общественном сознании:

1) грузинский мост – это «гимн жизни и мира между людьми и народами», напоминание о дружбе между ними (<https://vivageorgia.com/>);

2) грузинский мост – это прекрасная возможность связать прошлое, настоящее и будущее. Показательно, что в Тбилиси так соединяется улица Ираклия II, древняя часть города, и парк Рике в восточной части, где начинается Новый город.

Важно отметить, что мостостроение в Грузии получило развитие ещё в I веке до н.э., уже тогда через реку Рион было перекинуто более 120 мостов. Большая часть из них была построена в период национального расцвета Грузинского государства. «Грузинские мосты» реализовывали стратегические и оборонительные функции, например, в период османо-иранских войн, так как обладали сильными укреплениями. Помимо всего прочего, они становились центром притяжения населения, помогали формировать сначала небольшие поселки, а следом и крупные города [4, с. 260].

Итак, грузинский мост, о котором часто упоминалось в СМИ, становится символом завершения грузино-осетинского конфликта, воссоединения двух частей города Тбилиси, символом народной памяти. В результате компонент **грузинский** в данном сочетании утрачивает свое оттопонимическое значение, но приобретает культурные коннотации – дружба, историческая связь, мир и т.п. Выражение становится устойчивым и реализует следующие смыслы:

Грузинский мост – ` 1. О налаживании дружеских связей, установлении дружественных отношений между соседними государствами, о воссоединении, сплочении народов. 2. О связи прошлого с настоящим` . В современном публицистическом дискурсе выражение **грузинский мост** репрезентирует стратегические, международные, дипломатические отношения. Например:

1) *Лукашенко строит **грузинский мост**. «В программе визита – переговоры А. Лукашенко с президентом Грузии Георгием Маргвелашвили, с премьер-министром Ираклием Гарибашвили, церемония подписания двусторонних документов»* (<http://econbez.ru/news/cat/20778>). Так на портале «Экономическая Безопасность» в 2015 году был анонсирован визит президента Беларуси в Грузию, результатом которого стало налаживание отношений двух государств. Сочетание (*строить*) **грузинский мост** получает в тексте метафорическое переосмысление.

2) *Армения: Возобновление карабахского процесса и «**грузинский мост**» в Турцию* (<http://www.yerkramas.org/article/24569>). В данном заголовочном комплексе, размещенном на интернет-сайте газеты «Еркрамас» (07.12.2011 г.), рассматриваемое выражение также употреблено для обозначения процесса урегулирования международных отношений между Арменией и Турцией.

В дискурсивном пространстве электронных средств массовой информации (в частности, в Сети) нередко появляются обороты, значение которых обусловлено какими-либо актуальными социальными явлениями, событиями, тенденциями, характерными для «чужих» стран и народов. Приведем несколько примеров, раскрывающих смыслообразующие факторы формирования инокультурных фразеологических оборотов.

1. В 2004 году на страницах СМИ для обозначения политической апатии, которая свойственна разочаровавшемуся в действующем политическом режиме английскому обществу, появилось выражение **английская болезнь**. Например: *Апатия и нежелание населения участвовать в политической жизни страны, выявленные вечерними исследованиями, являются продуктами современного мира в целом и английского общества, культуры и политической системы в частности. <...> Кстати, это нельзя назвать типичным для всего остального мира. <...> Но эта новая*

английская болезнь по сути дела является отражением искреннего разочарования населения – а иногда и злости – в том, что произошло с английской политикой после 1997 года (<https://inosmi.ru/world/20040326/208678.html>). Можно заметить, что устаревший фразеологизм **английская болезнь** – ‘рахит’, закрепленный во многих фразеологических словарях, получает в современном дискурсе «новую» жизнь.

В целом компонент **болезнь** в сочетании с адъективом, обозначающим отнесенность к «чужой» стране или народу (*английский, французский, китайский* и т.п.), обладает богатым фразеосемантическим потенциалом, и в политической коммуникации подобные устойчивые словесные комплексы находят достаточно частое применение.

2. В 2003 году в связи с распространившейся в Китае эпидемией в оборот входит быстро приобретающее статус устойчивого выражение **китайская болезнь** в значении ‘атипичная пневмония’. Например: 1) *4 мая в Амурскую областную инфекционную больницу был госпитализирован 25-летний молодой человек, состояние которого вызвало у медиков серьезные подозрения в том, что он заражен «китайской болезнью»* (Московский комсомолец, 06.05.2003); 2) *Против загадочной китайской болезни антибиотики бессильны* (https://www.e1.ru/news/spool/news_id-233556-section_id-9.html).

3. В 2012 году в публицистическом дискурсе начинает функционировать выражение **итальянский синдром**. Так обозначается достаточно сложная психическая проблема, связанная с душевным состоянием русских женщин (или женщин из стран СНГ), работающих в Италии нянями и сиделками. Выражение было впервые использовано как название конференции, на которой обсуждались проблемы женщин, уехавших работать в Италию: *В прошлом году мы провели конференцию «Итальянский синдром». Что это такое? Конечно, Италия – очень красивая страна, многие ее любят, приезжают посмотреть, но речь не об этом. «Итальянский синдром» – это очень серьезная проблема, связанная с судьбой женщин, которые приезжают сюда работать...* (<https://news.rambler.ru/europe/16493935>).

4. В 2017–2019 гг. вирус Коксаки, которым, по распространённой в СМИ версии, заражались многие отдыхающие на турецких курортах, получает определение **турецкий вирус**. Например: 1) *Страсти по Коксаки. Опасен ли «турецкий» вирус?* (https://aif.ru/health/life/strasti_po_koksaki); 2) *Турецкий вирус: Коксаки атакует россиян* (<https://zen.yandex.ru/media/afisha/>); 3) *Турецкий вирус успокоится в сентябре* (<https://news.rambler.ru/other/37711290>).

Несложно заметить, что среди новых оборотов, наполняющих публицистический дискурс, выделяются такие, которые построены по модели «имя прилагательное + имя существительное», где адъективный компонент теряет своё оттопонимическое или этнонимическое значение и приобретает актуальные для современной политической (экономической, социальной) ситуации смыслы. Данные единицы, обусловленные тенденциями международной интеграции и межкультурного взаимодействия, являются результатом проникновения «чужого» в русское культурное пространство.

Отдельно хотелось бы сказать о новых иноязычных фразеологизмах, употребляющихся в русском языке без перевода. Безусловно, непереводной характер данных единиц фразеологической системы, основной пласт которых по происхождению – латинские, греческие, французские, итальянские, английские и немецкие, является главным маркером «чужеродности» рассматриваемых знаков косвенно-производной номинации. Однако функционирование иноязычных фразеологизмов в русском дискурсе накладывает на них определенные черты «свойственности». Сравним: семантику конца, завершения, прекращения чего-либо, которую реализует выражение **комедия окончена**, как воспроизводимое по-итальянски *finita la commedia*, так и передаваемое графическими средствами русского алфавита (**финита ля комедия**).

Корпус иноязычных единиц также пополняется. Среди устойчивых выражений, к примеру, назовем **Айл би бэк** или **Фейсом об тейбл**, которые чаще встречаются в русской транслитерации. Эмоционально-экспрессивная русская фразеология расширяет границы за счет следующих выражений:

Фэйс палм – фразеологизм представляет собой транслитерацию английских слов *face* – *лицо* и *palm* – *ладонь*. В современном дискурсивном пространстве встречается также аналогичная ему переводная единица **рукалицо**, выражающая эмоцию

разочарования или стыда и соответствующая стикеру , которым пользуются в виртуальной коммуникации. Известность оборота обеспечивается, в частности, его навязчивым повторением в тексте песни популярного исполнителя Скруджи: «Я живу,

как хочу, а ты нет! РукаЛицо! РукаЛицо! Твоя <...> кидает мне фото в директ! РукаЛицо! РукаЛицо!» (https://mobzvonok.ru/news/skrudzhi_rukalico/2017-04-14-1686).

Напротив, отсутствие каких-либо эмоций на лице, бесстрастное выражение лица, а также способность уверенно держаться в любой сложной ситуации номинируется сочетанием **покер фейс**, которое известно английскому языку (poker face) еще со второй половины XIX века, с 1874 г. [1], а в русском языке появилось только в начале XXI века, безотносительно связи с игроком в покер. Синонимичным данному выражению можно назвать выражение **каменное лицо**, где *каменный* имеет переносное значение – ‘неподвижный, застывший, безжизненный’.

В инокультурном дискурсивном пространстве формируется значение еще одного нового фразеологизма – **эпик фейл**, что в переводе означает: *epic* – былинный, эпичный; *fail* – неудача, провал, то есть буквально ‘былинная / эпичная неудача’, иными словами – ‘большая неудача’. Например, в одном из заголовков встречаем: **Эпик фейл: 32 дизайнерских провала (сложно поверить, что это правда)** (<https://playboyrussia.com/prikoly/epik-feyl-32>). В качестве версии появления данного выражения выдвигается название одной из серий шестого сезона сериала «Доктор Хаус», которое переводится как ‘великое падение’.

Антонимичной единицей выступает транслитерированное выражение **эпик вин** (*epic* – былинный, эпичный; *win* – победа), употребляемое по отношению к чему-либо хорошему, что случилось с человеком, о его большой удаче или везении. В 2011 году с таким названием увидело свет британское комедийное шоу, участники которого проходят необычные испытания.

В заключение подчеркнём: вхождение во фразеологический корпус русского языка «чужеродных» элементов продолжается, что однозначно свидетельствует о непрекращающемся взаимовлиянии языков и культур в едином номинативном поле, где процессу объективации подвергаются актуальные современные реалии, отражающие социальные, политические и межличностные связи.

Список литературы

1. История «Покерфейса»: как покерное лицо неожиданно вышло за пределы покера. – Режим доступа: <https://poker.ru/pokerface/> (дата обращения: 10.12.2020).
2. Лаптева М. Л. «Чужое» в «своём» фразеологическом пространстве : познавательный словарь-справочник / М. Л. Лаптева. – Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2019. – 204 с.
3. Пивоев В. М. «Своё» и «Чужое» в культуре / В. М. Пивоев // «Своё» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера / отв. ред. В. М. Пивоев. – Петрозаводск, 1997. – С. 5–7.
4. Щусев П. В. Каменные мосты Кавказа и средней Азии XI-XVI веков. Мосты и их архитектура / П. В. Щусев. – М. : Государственное издательство по строительству и архитектуре, 1952. – 360 с.

References

1. Istoriya «Pokerfejsa»: kak pokernoe lico neozhidanno vyshlo za predely pokera. Available at: <https://poker.ru/pokerface>.
2. Lapteva M. L. «Chuzhoe» v «svoem» frazeologicheskom prostranstve : poznatel'nyj slovar'-spravochnik. Astrakhan: Publiher: Sorokin Roman Vasil'evich, 2019. 204 p.
3. Pivoev V. M. «Svojo» i «Chuzhoe» v kul'ture // «Svoe» i «chuzhoe» v kul'ture narodov Evropejskogo Severa / ed. V. M. Pivoev. Petrozavodsk, 1997, pp. 5–7.
4. SHCHusev P. V. Kamennye mosty Kavkaza i srednej Azii XI–XVI vekov. Mosty i ih arhitektura. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo po stroitel'stvu i arhitekture, 1952. 360 p.